

опубл.: // Уваровские чтения – VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Мат-лы науч. конф., Муром, 16–18 мая 2005 г. Муром: Муромский ист.-худож. музей, 2006. С. 59–65.
Переиздание: // Уваровские чтения I–VI, 1990–2005. Материалы научных конференций. Электронное издание. [Электрон. опт. диск (CD)]. Муром: Муромский историко-художественный музей, 2008. Раздел VI.

О. Г. Усенко (Тверь)

МОНАРХИЧЕСКОЕ САМОЗВАНЧЕСТВО В РОССИИ XVII–XVIII веков КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Пожалуй, можно считать общепризнанным тезис, что нигде и никогда монархическое самозванчество не имело такого распространения, как в России XVII–XVIII вв.¹ Однако при рассмотрении этого феномена в России указанного времени исследователи, как правило, ограничиваются выявлением его роли в общественно-политической жизни страны, фокусируя внимание на случаях, когда лжемонархи были связаны с движениями социального протеста. Кроме того, в поле зрения учёных находится главным образом славянское население².

В итоге российское монархическое самозванчество XVII–XVIII вв. предстаёт явлением «восточнославянским», «светским», «народным», «бунтарским» и «мужским». Хотя в этом свете оно и не выглядит чем-то простым, всё же его природа была гораздо сложнее. Вот его основные социокультурные³ ипостаси.

Фронтир – «зона встреч» цивилизаций, культур или субкультур⁴

По моим подсчётам, в Российском государстве с 1601 г. по 1800 г. включительно действовали сто сорок семь лжемонархов (в XVII в. – двадцать девять, в XVIII в. – сто восемнадцать)⁵. Из них сто двадцать восемь человек (87%) были российскими подданными, а девятнадцать – иностранцами. При этом среди самозванцев было всего 8 женщин (5%).

Общая доля христиан составляла 97% (сто сорок три чел.), при этом явно преобладали православные – сто двадцать три чел. (86% всех самозванцев-христиан). Второе место было за лютеранами (семь чел.), а третье – за представителями армяно-григорианской церкви (два чел.). По одному самозванцу «делегировали» униаты и католики, а насчёт остальных девяти членов этой группы что-либо конкретное сказать нельзя. Нехристиане же были представлены мусульманином и двумя «язычниками» (об одном самозванце данных нет).

Если говорить о национальности лжемонархов, подразумевая под ней «родную» для индивида культуру, и учесть при этом, что необходимой информации о двух самозванцах нет, то картина будет следующей. К восточным славянам точно или предположительно относились 116 чел. (79%), среди которых можно распознать восемьдесят пять русских и одиннадцать украинцев. Следующие по численности группы – это немцы (пять чел.), поляки, французы и армяне (по два чел.). Лишь одним самозванцем, по всей видимости, были представлены евреи, греки, грузины, «волохи», финны, шведы, датчане, «самоеды», каракалпаки, персы. Ещё восемь чел. отнесены к условной группе «не восточные славяне».

Относительно социального статуса лжемонархов накануне их «проявлений» можно сказать следующее. Из тех ста сорока шести чел., о которых есть нужная информация, к «верхам» общества (дворянам, офицерам, чиновникам среднего звена, а также иностранцам, прибывшим с официальным визитом) принадлежали, вероятно, двадцать два чел. (15%). Тринадцать лжемонархов можно причислить к «средним слоям» общества. В то же время сто одиннадцать чел. (76%) вышли из «низов» – это были мелкие чиновники, рядовые военнослужащие и церковнослужители, посадские люди, «мещане», однодворцы, крестьяне, «дворовые» (слуги), «работные люди» и маргиналы («гулящие люди», беглецы, бродяги,

нищие, каторжники, ссыльные, заключённые в тюрьмах, монастырях и домах для сумасшедших).

Тем не менее, лишь двадцать четыре лжемонарха (16%) были связаны с активными выступлениями социального протеста, причём львиная доля их – шестнадцать чел. – были героями Смуты. В целом же с участием самозванцев прошли двадцать одно восстание, два бунта и одно волнение⁶. Если говорить о других формах протеста, то восемь лжемонархов были «раскольниками» (семь – «староверами» и один – сектантом).

Кстати, семнадцать лжемонархов (12%) «похитили» также духовные звания: два чел. видели себя священнослужителями, а прочие – святыми, пророками, апостолами, архангелами и даже богами.

Пограничье индивидуальной психики и массового сознания

Когда человек становился лжемонархом, это в первую очередь был его личный, индивидуальный выбор. Но не всегда этот выбор он делал автономно – нередко самозванец рождался под чужим влиянием или даже прямым давлением. Например, самооценка потенциального самозванца могла измениться после замечаний окружающих о его сходстве с тем или иным российским правителем. Е. Пугачёв показывал на допросах, что идея самозванства овладела им после того, как он от разных людей услышал о своём подобии Петру III⁷. Точно также в 1796 г. стал «императором» С. Петериков – после того, как двое крестьян сообщили ему, что его лицо сходно с изображением Петра III на рубле⁸.

В России XVII–XVIII вв. бывало и так, что человек начинал осознавать себя членом высочайшей фамилии в результате прямого убеждения со стороны – в том числе со стороны другого лжемонарха, уже обретшего сторонников. В. Бунин принял образ «Петра III» (1787 г.), уступив доводам и напору М. Тюменевой, которая при этом навязалась ему в двоюродные сёстры⁹. То, что И. Опочинин увидел себя «сыном императрицы Елизаветы» (1768 г.), было следствием его обработки со стороны отставного корнета

[с. 59]

И. Батюшкова¹⁰. Самооценку Л. Стародубцева изменил Т. Труженик – «царевич Алексей Петрович» (1732 г.). Последний «ево ж, Стародубцова, спросил: "Как де тебя зовут?". И он тому Труженику сказался Ларионом. И Труженик де говорил же: "Нет де, не Ларионом тебя зовут, зовут де тебя Петром Петровичем, и ты де царевич". И он де, Ларион, тому ж Труженику говорил, что он – Ларион, а не Пётр и не царевич. И Труженик говорил: "Делай де по-моему и называйся старого царя сыном царевичем Петром Петровичем. А будет де по-моему не будешь делать, то де я тебя в котле сварю". И он де, Стародубцов, тому Труженику сказал, что он так называтца будет, – мыслил простотою своею, что оной Труженик – подлинно царевич и ево, Стародубцова, обогатит»¹¹.

Налицо диалектическое взаимодействие индивидуальных и социально-психологических явлений и процессов. В этом свете понятие «самозванчество» можно представить как единство «самозванства» и «самозванщины». Под «самозванством» разумеются мысли и действия индивида, решившего объявить себя носителем нового имени и/или статуса, те субъективные факторы, что руководили его поведением, и тот круг представлений, который непосредственно мотивировал его действия. (При этом стоит помнить, что черты личностного сознания не являются всецело уникальными, поскольку они в той или иной мере социально обусловлены и хотя бы частично представляют собой закономерное и типическое явление). «Самозванщина» – это социально-психологические процессы и явления, возникающие тогда, когда индивиду, взявшему чужое имя и/или неподобающий статус, удаётся получить поддержку, это совокупность отношений между самозванцем и его сторонниками, а также между последними, пока они ему подчиняются.

Сплав игры и повседневности

Усложнение царственного самозванства за счёт самозванщины начиналось тогда, когда лжемонарх впервые «проявлялся» – представлял на публике в своей мифической ипостаси. Благополучный для него исход (пребывание на свободе и даже обретение сторонников) имел место лишь в том случае, если он сразу принимал «правила игры», которые хранились в народном сознании. Речи, облик, поведение и образ жизни лжемонарха должны были соответствовать фольклорным представлениям о «праведном государе». При этом успехи в уподоблении себя изображаемому персонажу помогали самозванцу «забыться», на время поверить в «подлинность» своих притязаний. В результате для него актёрство обретало жизненный смысл, а «настоящая» жизнь превращалась в подобие спектакля.

У того же Е. Пугачёва одним из постоянных средств самоутверждения в роли «Петра III» были разговоры о царевиче Павле как его сыне и «воспоминания» о нём, во время которых самозванец нередко плакал. Кроме того, за столом он постоянно провозглашал тосты за здоровье Павла и его жены, великой княгини Натальи Алексеевны¹². Иев Мосякин – тоже «Пётр III» (1774 г.) – даже во время ночных молитв «проговаривал... чтоб ему видеть сына своего Государя Павла Петровича». При этом в быту он позволял себе поистине царские вольности. Вот что вспоминал на допросе его соратник-слуга Р. Алексеев: «И как он, Мосякин, умывался, то ту воду давал пить... Родиону неоднократно и проговаривал то, что которую де водою царь умываетца, и оную де воду назем не выливают. И он, Родион, ту воду и пивал»¹³.

Если можно говорить об «игровой норме», то поведение И. Мосякина – где-то на её грани или недалеко за ней. Но бывало и так, что самозванец явно заигрывался – как, например, М. Леонтьев (Дидьянец) в 1682 г. Проживая в Москве под видом «грузинского царевича» и получая положенное по статусу «государево жалованье корм», он тем не менее возжелал большего и решил воспользоваться мятежом стрельцов. «Той царевич, которые у него стрельцы стояли на карауле, затеев, сказал им, что бутго он слышал в Верху, якобы все бояря хотят всех стрельцов ради их досады, что они бояр побили и в непокорстве пребывают, перевести и разными смертьми их помучити». Но извет обернулся против него: «По указу бо великих государей... вземше того царевича в застенок. И пытан быв, повинился, что он такого слова у бояр не слышал и затеял напрасно для того, что де ему корму мало и честь не великая, а естли бы по его совету злomu что учинилось, чаял бы себе честь прияти большую. Но муж сей... за тое... четвертован бысть...»¹⁴.

Инверсия двух реальностей – игровой и повседневной – преображала жизнь и сторонников лжемонарха. Если он признавался в качестве «подлинного государя», то у него появлялась постоянная свита, ему начинали нести подарки и, наконец, между ним и всеми, кто его поддерживал, устанавливались отношения почитания – властвования, копирующие отношения между реальным правителем и его подданными. Лишь в системе этих связей «игрокам» было психологически комфортно.

Е. Пугачёв и его ближайшие соратники пытались воссоздать и ту бытовую обстановку, и ту географическую среду, которая, как они считали, была привычна для Петра III и его двора. По воле «императора» И. Зарубин-Чика стал «графом Чернышёвым», М. Шигаев – «графом Воронцовым», А. Овчинников – «графом Паниным». Помимо этого, самозванный Пётр III переименовал ряд населённых пунктов: Сакмарский городок стал «Киевом», крепость Каргале – «Петербургом», а Берда – «Москвой»¹⁵.

Порубежье «нормальности» и «психопатологии»

Вообще граница между психической «нормой» и «патологией», как показывают сравнительные исследования, исторически изменчива и культурно обусловлена. То, что привычно для представителей одной общности или эпохи, может быть неприемлемым для

членов другого социума, и наоборот. Нечто, нормальное для людей прошлого, нередко вызывает у нас недоумение как «аномалия»¹⁶.

В России XVII–XVIII вв. встречались лжемонархи, чьи речи и поведение, на современный взгляд, свидетельствовали об их «безумии» или, по крайней мере, о наличии у них «психических отклонений». Взять, например, И. Клеопина – «царевича Алексея Алексеевича» (1671 г.). Во время периодических приступов буйства он «за людьми гонялся, и в лес бегивал ... и сам ножом резался, и платье на себе драл». Однажды он даже «отца своего родного и мать хотел саблею сечь, а брата своего посёк саблею...»¹⁷ К «тихопомешанным» возможно отнести И. Васильева – «сына Ивана Грозного» (1690 г.). Вот что он говорил на допросе: «Зовут де ево Ивашком, а отец у него был царь Иван Васильевич, а был де он царём на Москве тому ныне лет со сто, а он де родился от него... а крестил де он себя сам, а живёт де он на небесах, и ходит де он на небеса в дирю, а принимают де ево ангили»¹⁸.

Проблема в том, что наши оценки далеко не всегда совпадают со взглядами на самозванцев их современников. То, что И. Клеопин с И. Васильевым были официально признаны «умовреженными», вызывает у нас понимание. Но не понятно, почему такой же вердикт не был вынесен, к примеру, Т. Кобылкину, который в 1696 г. стал играть роль путешествующего по стране Петра I. Можно согласиться с П. В. Лукиным, что этот самозванец, по всей видимости, был психически нездоров. Есть свидетельство, что ранее «он, Тимошко, сходил с ума и был безумен многое время...» Его письмам присущи нелогичность и сумбурность, они напоминают «поток сознания». К тому же сам Т. Кобылкин считал, что его рукой водят сразу небожителя – Михаил Архангел, Николай Чудотворец и царевич Дмитрий¹⁹.

Многое становится понятным, если учесть, что в изучаемое время не было научной психиатрии, поэтому выводы о психическом состоянии самозванца делались чаще всего на основании того, как он себя вёл. Доказательствами «сумазбродства» были нечленораздельная или несвязная речь, озиране по сторонам, беспричинный смех, крики, драчливость, срывание с себя одежды и т. п. Если же человек внешне подозрений не вызывал, то его считали «здоровым в уме», пусть даже содержание его слов было чистой воды ахинеей.

Возьмём случай с Г. Васильевым, который в 1765 г. пришёл в Московскую губернскую канцелярию с «паспортом», данным ему для отходничества, «и просил подканцеляриста Грациевского, чтоб ему написат для объявления того пашпорта доношение, что де он написан крестьянином, а он де не крестьянин, а второй государь император Пётр Алексеевич». Затем и в Конторе тайных дел он сообщил, что «по ревизии написан напрасно крестьянином, а он де подлинно Второй Император, а не Софьинской волости крестьянин». Однако вердикт следователей был таков: «оной Васильев из его слов и из глаз усмотрен в помешательстве ума своего, чего ради более и не спрашиван»²⁰.

И всё же иногда случалось так, что самозванец, который нам кажется вполне «нормальным», в глазах современников был «умовреженным». Хрестоматийный пример – К. Селиванов, основатель секты скопцов и самозванный Мессия. Между 1781 и 1796 гг. он стал также «императором Петром Фёдоровичем». После восшествия на престол Павла I самозванец послал ему письмо и даже встретился с ним лично – естественно, в образе «Петра III». За это он и был отправлен в дом умалишённых²¹.

Однако в ряде случаев и у современников самозванца бывали разногласия по поводу его психического состояния. Достаточно вспомнить И. Дирикова – «сына Петра I» (1743 г.). Императрица нашла его «помешанным в уме», а начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков – психически здоровым²².

В принципе, самозванство уже само по себе есть отклонение от психической нормы, поэтому вполне закономерно подозрительное отношение к лжемонарху. Но нельзя отождествлять «ненормальность» и «психопатологию». Кроме того, источники чаще всего не позволяют обоснованно судить о душевном здоровье того или иного самозванца, поэтому наиболее правильным было бы не сортировать лжемонархов на «безумных» и «нормальных».

Зона ментальных границ и переходов

По мнению ряда авторов, для европейцев – носителей традиционной культуры, в том числе россиян, был характерен особый, весьма отличный от нашего, взгляд на окружающую действительность. Поскольку творцом и центром всего сущего считался Бог, и поскольку у последнего был антагонист – Сатана, постольку традиционная картина мира покоилась на представлении о непрерывной борьбе вселенских Добра и Зла и на трёхчленной модели универсума (мир небесный, земной и подземный). При этом вымысел и явь, чудесное и действительное переплетались в сознании человека, т. е. границы между ними воспринимались как внутренние и мистически преодолимые рубежи религиозной веры²³.

Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII вв. оказывается, с одной стороны, зоной пересечения двух миров – земного и небесного, а с другой стороны, путём, ведущим из-под власти Господа под власть Сатаны.

Если говорить о первом аспекте, то прежде всего надо указать на то, что у многих самозванцев и их сторонников бывали «знамения» – мистические контакты с небожителями (видения во сне и наяву, «гласы» и т. п.). Так, И. Миницкий – «царевич Алексей Петрович» (1738 г.) уверовал в своё высокое происхождение и вступил на стезю самозванства «от некоторых сонных видений, ему бывших». Вот что он утверждал на допросе: «... Во сне де привиделось, что явился ему, Ивану, Иисус Христос и говорил: "Поди де, явись

[с. 61]

мирови и объяви о себе, что ты царевич Алексей Петрович, ты де на это родился"..."²⁴ Можно предполагать, что переход К. Селиванова в лжемонархи был обусловлен, помимо прочего, четырьмя «видениями» бога в Иркутске²⁵. Одним из факторов признания А. Асланбекова в качестве «Петра III» (1764 г.) однодворцами Обоянского уезда стало известие о том, что у одного из них на поле было соответствующее «видение» во сне²⁶.

Итак, вступление индивида на стезю монархического самозванства, а также решение поддержать лжемонарха могли рассматриваться как исполнение божественной воли. Но в случае разоблачения и самозванец, и его сторонники оказывались уже пособниками дьявола. Дело в том, что понятие самозванец для россиян XVII–XVIII вв. стояло в одном ряду с понятиями колдун, ведьма, кромешник и т. п. Не случайно Лжедмитрий I после смерти воспринимался как «еретик» и «чернокнижник», а его деяния были осмыслены как антиповедение – сатанинская потеха²⁷.

Многие лжемонархи и их последователи после своего ареста осознавали, что «благими намерениями дорога в ад вымощена», и начинали каяться. Так, уже упоминавшийся И. Клеопин своё самозванство оправдывал «наветом дьявольским»²⁸. Е. Пугачёв, хотя и заявил на допросе, что именно «он всем тем учинённым злодеяниям самою главною виною есть», в то же время намекнул, что им руководила тёмная сила, поскольку назвал себя «неслыханным врагом и злодеем рода человеческого» и признался: «...Остервенела его скаредная душа до того, что какия он злодействы ни делал, то не ощущал в себе человеческого сожаления, а тем меньше – раскаяния...»²⁹

Моральное перепутье

Приведённые выше признания также показывают, что для лжемонархов был чрезвычайно актуален выбор между добродетелью и грехом. Строго говоря, любое самозванство подразумевает ложь и обман, а значит является отступлением от морали. Но дело ещё и в том, что самозванец, «похитивший» чужое имя, превращался в богоотступника. Поскольку он, по мнению А. М. Панченко, отказывался от крестного имени, то «терял» ангела-хранителя и «автоматически попадал в бесовские сети. Такой отказ аннулировал крещение, в частности, то место из чина крещения, в котором говорится об отречении нового христианина от дьявола»³⁰.

И всё же нельзя сказать, что все лжемонархи, «похищавшие» не только статус, но и чужое имя, отдавали себе отчёт в глубине своего грехопадения. Более того, не в каждом следственном деле есть и открытое признание обвиняемого, что уже самим фактом самозванства он совершил грех. В частности, таких признаний нет ни в делах упоминавшихся выше Е. Пугачёва, И. Клеопина, И. Васильева, Т. Кобылкина, ни в деле С. Воробьёва – «царевича Симеона Алексеевича» (1673–1674 гг.)³¹. Далеко не все лжемонархи осознавали и то, что они – обманщики. Некоторые искренне заблуждались на свой счёт и даже после суда уверяли, что они – действительно те, за которых себя выдают. Для таких «блаженных» самозванство было чем-то естественным и потому – добродетелью, и лишь со стороны виделась вся иллюзорность и ненормальность этой оценки.

Пример того, насколько сильной могла быть вера самозванца в тождество его и персонажа, роль которого он играл, являет И. Коровин – «царевич Пётр» (1605–1607 гг.). Даже на виселице он «говорил кругом стоящему народу, что он перед его царским величеством не совершил преступления, заслуживающего смертной казни, что его преступление состоит только в том, что он выдавал себя за сына Феодора Ивановича, что он на самом деле его сын и за это убеждение готов умереть; что его слова найдут справедливыми, если прикажут узнать о нём на Дону, что за грехи, за то, что он с казаками на Дону вёл безобразную жизнь, Бог наказывает его позорною смертью»³².

Бывало и так, что под влиянием общения с народом (потенциальными и/или реальными сторонниками) те лица, что вступали на самозванческое поприще с корыстными или вполне достойными, но приземлёнными целями, в той или иной степени меняли свои планы и превращались в «народных заступников». Например, Е. Пугачёв собирался поначалу увести яицких казаков на Кубань, однако под влиянием последних изменил свой замысел и возглавил восстание против их притеснителей, а заодно и против своих «личных» (т. е. Петра III) врагов³³. Г. Зайцев – «цесаревич Павел Петрович» (1783 г.) – вначале собирался «шататься по разным селениям» Левобережной Украины, пить и есть задаром, но после общения с казаками пообещал им упразднить подушный оклад³⁴.

Иллюзорной добродетелью могла быть и монархическая самозванщина. В самом деле, разве помощь «прямому государю», когда тот скрывается или нуждается в чём-то, – это грех? Примерно так, очевидно, думали те, кто принимал на веру заявления самозванных монархов. Однако можно утверждать, что отнюдь не каждый человек, выдававший себя за «настоящего» правителя и даже обещавший облегчить жизнь простых людей, получал их поддержку. А если всё же получал, то поддержка эта не была безусловной и безоговорочной³⁵.

И тут уместно вспомнить о случаях настоящей измены самозванцу, когда он терял свободу и попадал в руки властей при непосредственном участии его недавних сторонников. Такая участь, например, была уготована уже упоминавшимся Е. Пугачёву³⁶, И. Мосякину³⁷ и С. Петерикову³⁸, а также другим «Петрам III» – Ф. Богомолу (1772 г.)³⁹ и Н. Кретову (1773 г.)⁴⁰. Отметим, что недавние соратники самозванца, выдавая его властям, не расценивали это деяние как «измену», т. е. грех. Наоборот, оно было для них искуплением грехопадения (предыдущей поддержки самозванца). В этом свете аморальным деянием предстаёт не только помощь самозванцу, но даже попушение ему – нежелание схватить его или хотя бы

донести о нём. А подобная снисходительность, надо сказать, редкостью не была, иначе ни один лжемонарх не провёл бы на свободе и дня.

Пограничье лояльности и преступности

Попущение лжемонарху, однако, было не только грехом, но и тяжким правонарушением. Ещё более тяжким преступлением было собственно монархическое самозванство. Хотя в России до XIX в. «не было специальных законов, которые бы кодифицировали состав такого преступления, как самозванство»⁴¹, тем не менее, притязание на монарший статус и/или имя считалось разновидностью государственной измены – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

До середины XIX в. (общего смягчения уголовного права) лжемонарха ждали следующие кары: 1) если он был официально признан «умоврежденным», ему чаще всего грозило вечное заключение в монастыре или (со второй половины XVIII в.) в доме для сумасшедших⁴², но его могли предать и смерти⁴³ или же наказать кнутом и отправить в ссылку⁴⁴; 2) «нормальному» самозванцу были уготованы либо смерть⁴⁵, либо кнут и длительная, а то и вечная каторга⁴⁶. Более мягким было отношение к самозванцам, приехавшим из-за границы: если в них не видели шпионов и они не совершали бытовых преступлений, то их просто заставляли покинуть страну или депортировали насильно⁴⁷.

Тех же, кто помогал самозванцу (включая тех, кто мог донести на него, но не сделал этого), как правило, били кнутом, плетью или батогами, а потом отправляли на каторгу (не обязательно сибирскую) или на поселение в отдалённые места (чаще всего – в Сибирь). Но если они были виновны и в других тяжких преступлениях, то их могли казнить⁴⁸.

И хотя люди подозревали, а иногда и точно знали, какие кары им грозят за поддержку лжемонарха, тем не менее самозванщина редкостью не была. Во-первых, если самозванец был убедителен в роли «истинного государя» и его таковым признавали, то отныне для сподвижников самозванца подчинение и помощь ему были уже не актом их доброй воли, но священным долгом. Для таких «верноподданных» измена правящему – «ложному» – монарху оборачивалась лояльностью по отношению к «подлинному государю». Во-вторых, когда счёт сторонников самозванца шёл уже на десятки, сотни и тысячи, они позволяли себе расширять круг «верноподданных» с помощью угроз и насилия, действуя по принципу «Кто не с нами – тот против нас». К примеру, в период Смуты существовала практика насильного привода к присяге на верность «царевичу Дмитрию». Аналогичная практика имела место во время Пугачёвщины, при этом её дополняли принудительные наборы в повстанческое войско (они были в основном на последнем этапе восстания). Поэтому вполне естественно, что зачастую даже те, кто не верил самозванцу, но пребывал на подконтрольной ему территории, предпочитали быть лояльными ему, а не официальному властителю⁴⁹.

Для случаев, когда монархическое самозванчество оказывалось формой социального протеста, было характерно также то, что проявлением лояльности оказывалась и, так сказать, обычная, повседневная преступность. Участие лжемонарха в движении социального протеста было для восставших гарантией справедливости и законности их деяний – даже преступных, объективно говоря. И уж тем более грабежи и убийства врагов не считались преступлениями, если на это была санкция «подлинного государя». Но одновременно самозванец и его сторонники были вынуждены соблюдать некие формальные процедуры, придававшие их расправам видимость законности. Так, в ходе восстания И. Болотникова арестованных воевод отсылали в Путивль к «царевичу Петру» (И Коровину), по указам которого и проводились их казни. Можно сказать, что мятежники действовали в соответствии с официальными нормами, раз признавали право знати на личный суд царя⁵⁰. Е.

Пугачёв своими «указами» повелевал придерживаться определённого порядка при осуждении человека на казнь. Подлежали смерти прежде всего те, кто упорствовал в своём нежелании покориться «Петру III». Однако казнь должна была совершаться «на основании законов» (т. е. повелений Пугачёва и норм обычного права), с чтением приговора, а главное – с народного согласия. Повстанческим командирам предписывалось «требовать от всего общества на то голосов, простить ли его (имярек) или учинить над ним... смертной казни»⁵¹.

Ещё одной, хотя и редкой, формой самозванческой лояльности было подчинение одного лжемонарха другому (при их автономных «проявлениях»), если такая субординация соответствовала массовым представлениям об отношениях между теми персонажами, которых эти самозванцы играли. Например, весной 1606 г. И. Коровин отправил в Москву гонца с письмом к Лжедмитрию I, прося разрешения прибыть в столицу. Ответ был таким: если «царевич Пётр» – не самозванец, то он будет в Москве желанным гостем, если же это не так, то пусть он удалится прочь. При этом царь прислал и «подорожную», которая предписывала выдавать «царевичу» и его спутникам корм на всём пути в столицу. И. Коровин двинулся в путь, но по дороге получил весть о смерти Лжедмитрия и повернул на Дон⁵². В ноябре 1607 г. к Лжедмитрию II под Брянск прибыл «царевич Фёдор» во главе отряда казаков. Он был обласкан Лжедмитрием и занял видное место при его дворе, но затем был им повешен⁵³. Подобным образом окончил свои дни и «царевич Иван-Август». Зимой 1607/1608 гг. он послал гонцов к Лжедмитрию, пытаясь, видимо, заключить с ним союз. Однако тот официально объявил «Ивана-Августа» самозванцем. Тем не менее летом 1608 г. «царевич» с отрядом отправился к Москве, в лагерь «Тушинского вора», где и был повешен⁵⁴.

[с. 63]

¹ См.: Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. – 1868. – Т. 2. – Стб. 265; Мордовцев Д. Л. Собр. соч. – СПб. – 1901. – Т. 19. – С. 69; Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. – М. – 1957. – С. 27; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М. – 1967. – С. 29; Успенский Б. А. Избр. тр. – М. – 1994. – Т. 1. – С. 75; Буйда Ю. Алхимия самозванства // Страна и мир. – 1992. – № 1. – С. 152; Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. – 1995. – № 8. – С. 46–47; Васецкий Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. – 1995. – № 3. – С. 58; Низовский А. Русские самозванцы. – М. – 1999. – С. 3; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М. – 2000. – С. 168, 254; Longworth Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. – 1975. – № 66. – P. 61; Szvák G. False tsars. – Boulder; Wayne. – 2000. – P. 5.

² См.: Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. – СПб. – 1774; Соловьёв С. М. Указ. соч. – Стб. 265–281; Он же. Соч.: В 18 кн. – М. – 1990. – Кн. 5. С. 23–26, 424–428; М. – 1991. – Кн. 6. – С. 298–299, 440–446, 453–455, 458–459; Кн. 7. – С. 128–129, 563; М. – 1993. – Кн. 8. – С. 167–169; Кн. 9. – С. 184–185; Кн. 10. – С. 593, 645–646; Кн. 13. – С. 420–421; М. – 1994. – Кн. 14. С. 126–127; Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. – М. – 1994; Он же. Самозванцы и пророки. – М. – 1997; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. – СПб. – 1886. – Т. 1; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. – М. – 1995; Кубалов Б. Сибирь и самозванцы // Сибирские огни. – 1924. – № 3. – С. 161–163; Пионтковский С. Крестьянские выступления 1775–1795 гг. по данным Тайной экспедиции // Историк-марксист. – 1935. – Кн. 10; Коган А. Н. Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // Уч. зап. Куйбышевского пед. и учительс. ин-та. – 1943. – Вып. 7; Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // ИЗ. – 1950. – Т. 31; Чистов К. В. Указ. соч. – С. 29–196; Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // ВИ. – 1969. – № 3; Разорёнова (Козлова) Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // ВМУ: Серия истории. – 1974. – № 6; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. – Новосибирск. – 1987; Он же. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. – Л. – 1988; Ингерфлом К. С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // Реализм исторического мышления. – М. – 1991; Дорофеев В. В. Самозванцы (к истории появления слова). – Оренбург. – 1994; Мильников А. С. Самозванчество в контексте

просвещенного абсолютизма // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*. – М. – 1995; Усенко О. Г. *Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков*. – Тверь. – 1997. – Ч. 3. – С. 36–74; Тюменцев И. О. *Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II*. – Волгоград. – 1999; Мауль В. Я. *Харизма и бунт: Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков*. – Томск. – 2003. С. 105–140; Он же. *Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): АДДИН*. – Томск. – 2005. С. 22–29; Szvák G. *Op. cit.*; Avrich P. *Russian Rebels*. – N.Y. – 1972; Bercé Y.-M. *Le roi caché: Sauveurs et imposteurs*. – Paris. – 1990. – P. 82–136; Ingerflom C. S. *Les représentation collectives du pouvoir et l'«imposture» dans la Russie des XVIII-e – XX-e siècles // La royauté sacrée dans le monde chrétien*. – Paris. – 1992; Idem. *Entre le mythe et la parole: l'action: Naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // Annales: Histoire, sciences sociale*. – 1996. – № 4; Perry M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles*. – Cambridge. – 1995; Eadem. *Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17 Jahrhundert*. – Wiesbaden. – 2000.

³ Эпитет «социокультурный» соответствует понятию культуры в широком смысле, т. е. он маркирует всё, что связано с общественно обусловленной и социально значимой жизнедеятельностью в рамках конкретно-исторической общности и не ограничивается лишь сферой искусства (живописи, литературы, музыки, архитектуры и пр.).

⁴ Об этом понятии см.: Замятина Н. Ю. *Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // ОНС*. – 1998. – № 5; Боук Б. М. *Фронтир или пограничье: Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право*. – Краснодар. – 2001. – С. 147–151.

⁵ Критерии подсчёта и дефиницию термина «лжемонарх (самозванец монархического типа)» см.: Усенко О. Г. *Кто такой «самозванец»? // Пути познания истории: новые подходы и интерпретации*. – М. – 2001; Он же. *Кто такой самозванец? // Вестник славянских культур*. – 2002. – № 5–6; Он же. *Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии*. – М. – 2004. – Вып. 2. – С. 300–302.

⁶ Об этих понятиях см.: Усенко О. Г. *Психология...* Тверь. – 1994. – Ч. 1. – С. 7–8.

⁷ См.: Мавродин В. В. *Рождение новой России*. – Л. – 1988. – С. 397; Андрущенко А. И. *О самозванстве Е.И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России*. – М. – 1961. – С. 147.

⁸ РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 554. – Л. 4, 7 об.

⁹ См.: РГАДА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 2744. – Л. 1 об., 2, 5 об., 24 об., 31 об., 42 об., 45 об., 79 об., 103 об.–104 об., 138 об.–139, 234–234 об., 237–237 об., 274, 280 об., 294–294 об.

¹⁰ См.: РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 408. – Л. 45 об., 62–62 об.

¹¹ РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 7–7 об. См. также: Есипов Г. В. *Люди старого века*. – СПб. – 1880. – С. 419–420.

¹² См.: Чистов К. В. *Указ. соч.* – С. 162, 163, 169.

¹³ РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 528. Л. 6 об. –7.

¹⁴ *Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей*. – М. – 1990. – С. 121–122. См. также: Тихомиров М. Н. *Русское летописание*. – М. – 1979. – С. 267.

¹⁵ См.: Чистов К. В. *Указ. соч.* – С. 167; Усенко О. Г. *Психология...* – Ч. 3. – С. 40–52, 70–73; Мауль В. Я. *Социокультурное пространство...* – С. 25–32; Он же. *Харизма и бунт...* – С. 107–139.

¹⁶ См.: Менделевич В. Д. *Психиатрическая пропедевтика*. – М. – 1997. – С. 253–269; *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология*. – М. – 2001. – С. 339–404.

¹⁷ Соловьёв С. М. *Соч.* – Кн. 7. – С. 129. См. также: Лукин П. В. *Указ. соч.* – С. 124.

¹⁸ РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Д. 1304. – Л. 2; Лукин П. В. *Указ. соч.* – С. 125–126.

¹⁹ См.: РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 1613; Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 482, 530; Лукин П. В. *Указ. соч.* – С. 128–132 (увы, здесь в цитатах из источников много ошибок).

²⁰ РГАДА. – Ф. 349. – Оп. 2. – Д. 7097. – Л. 1, 3.

²¹ См.: РГАДА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 2047. – Ч. 10. – Л. 134, 521–521 об.; Д. 3083. – Л. 24–24 об., 26; Мельников П. И.

- Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей... – Б. м. – Б. г. – Отд. 3. – С. 85–86; Соловьёв Е. Сведения о русских скопцах, извлечённые из различных документов и рукописей. – Кострома. – 1870. – С. 14; Майнов В. Н. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов // Исторический вестник. – 1880. – Т. 1. С. 762; Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. – 1895. – Т. 84. – Октябрь. – С. 34; Овчинников М. П. Олёкминские скопцы // Сибирский архив. – 1911. – № 2. – С. 83.
- ²² Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 188.
- ²³ См.: Харламов И. Н. Странники: Очерки из истории раскола // Русская мысль. – 1884. – № 4. – С. 228; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. – 1984. – С. 22, 97, 119, 158, 213, 296; Мирошниченко П. Я. Представления трудящихся о «правде» и проблема исторического значения классовой борьбы периода кризиса крепостничества // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории. – Вологда. – 1976. – Вып. 2. – С. 93, 97; Чёрная Л. А. Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века: АДКИН. – М. – 1980. – С. 18.
- ²⁴ Чистов К. В. Указ. соч. – С. 128; РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 192. – Ч. 1. – Л. 10 об.
- ²⁵ Айвазов И. Г. Материалы для исследования секты скопцов. – М. – 1916. – Т. 1. – С. 54; Мельников П. И. Указ. соч. – Отд. 3. – С. 85.
- ²⁶ РГАДА. – Ф. 349. – Оп. 2. – Д. 7086. – Л. 478–478 об.
- ²⁷ См.: Успенский Б. А. Указ. соч. – С. 88–93.
- ²⁸ РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Д. 341. – Л. 73, 75, 78.
- ²⁹ Емельян Пугачёв на следствии. – М. – 1997. – С. 221.
- ³⁰ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. – М. – 1996. – Т. 3. – С. 191.
- ³¹ См.: Костомаров Н. И. Самозванцы и пророки. – С. 172–199; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб. – 1842. – Т. 4. – С. 529–530.
- ³² Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. – М. – 1959. – С. 191; Хроники Смутного времени. – М. – 1998. – С. 240–241.
- ³³ Емельян Пугачёв на следствии. – С. 104; Мавродин В. В. Указ. соч. – С. 398, 401, 405–406.
- ³⁴ РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 542. – Л. 15 об. –16, 72 об. –73.
- ³⁵ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество... – С. 334–335.
- ³⁶ См.: Емельян Пугачёв на следствии. – С. 211; Мавродин В. В. Указ. соч. – С. 448; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. – Ростов н/Д. – С. 331–336, 347.
- ³⁷ См.: РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 528. – Л. 6–7, 16–17.
- ³⁸ См.: Там же. – Д. 554. – Л. 1, 6 об., 8; Мельников П. И. Указ. соч. – Отд. 3. – С. 22.
- ³⁹ См.: РГВИА. – Ф. 8. – Оп. 5/94. – Д. 72. – Л. 12 об.; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. – С. 88–89; Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. – СПб. – 1884. – Т. 1. – С. 108.
- ⁴⁰ См.: РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 535. – Л. 4, 12–12 об.
- ⁴¹ Анисимов Е. В. Указ. соч. – С. 45.
- ⁴² См.: Там же. – С. 386, 388; Сивков К. В. Указ. соч. – С. 129; Покровский Н. Н. Указ. соч. – С. 188; Лукин П. В. Указ. соч. – С. 127.
- ⁴³ Пример – И. Клеопин, которого повесили (Соловьёв С. М. Соч. – Кн. 7. – С. 129; Лукин П. В. Указ. соч. – С. 124).
- ⁴⁴ Например, кнутом и ссылкой в 1708 г. был наказан Г. Поликарпов – «царь Иван Михайлович, брат царя Алексея» (См.: РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 491. – Л. 13).
- ⁴⁵ Как мы помним, И. Коровина повесили. Однако С. Воробьёва и М. Леонтьева четвертовали (Костомаров Н. И. Самозванцы и пророки. – С. 197; Россия при царевне Софье и Петре I. – С. 122; Тихомиров М. Н. Указ. соч. – С. 267), а Т. Кобылкина обезглавили (РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 482. – Л. 55, 60).
- ⁴⁶ Так были наказаны, в частности, А. Крекшин – «царевич Алексей Петрович» (Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. – М. – 1957. – С. 179; Чистов К. В. Указ. соч. – С. 119), а также упоминавшийся ранее А. Асланбеков (РГАДА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 401. – Л. 9 об.; Сивков К. В. Указ. соч. – С. 99).
- ⁴⁷ Например, в 1780 г. был депортирован И. Абаиси – «принц Палестины» (Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну»: Авантюристы Просвещения. – М. – 1998. – С. 251)

-
- ⁴⁸ См.: Соловьёв С. М. Соч. – Кн. 10. – С. 645–646; Чистов К. В. Указ. соч. – С. 126–128; Сивков К. В. Указ. соч. – С. 98–132; Мавродин В. В. Указ. соч. – С. 480–484; Есипов Г. В. Указ. соч. – С. 443–444.
- ⁴⁹ См.: Восстание И. Болотникова. – С. 198; Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. – М. – 1975. – С. 41–46, 254, 383, 388–389; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания ГИМ. – М. – 1973. – С. 55–56.
- ⁵⁰ Скрынников Р. Г. Смута в России... – С. 156.
- ⁵¹ Документы ставки Е. И. Пугачёва... – С. 42.
- ⁵² Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606–1607). – Л. – 1951. – С. 368–370.
- ⁵³ Тюменцев И. О. Указ. соч. – С. 112; Памятники Смутного времени: Тушинский вор: личность, окружение, время. – М. – 2001. – С. 429; Хроники Смутного времени. – С. 318.
- ⁵⁴ Костомаров Н. И. Смутное время... – С. 452–453; Смирнов И. И. Указ. соч. – С. 244–253; Тюменцев И. О. Указ. соч. – С. 60; Хроники Смутного времени. – С. 332.